

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

15-25 АПРЕЛЯ 2015 Г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Сборник материалов
Международной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
«Перспектив Свободный-2015»,
посвященной 70-летию Великой Победы

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2015 г.

Красноярск, 2015.

«Онтология и теория познания»

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2015

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2015 г.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФЕНОМЕНА ТВОРЧЕСТВА В РАМКАХ КЛАССИЧЕСКОГО И НЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Качай И. С.

научный руководитель канд. филос. наук Петров М. А.
Сибирский федеральный университет

Превалирование онтологической, гносеологической или аксиологической направленности в понимании природы феномена творчества обусловлено фундаментальными социокультурными и мировоззренческими установками конкретного историко-философского периода, которые фиксирует господствующий тип научной рациональности. Поэтому для того чтобы выявить различие между доминирующей природой творчества в контексте классической и неклассической философии, необходимо соотнести ключевые особенности классического и неклассического типов научной рациональности применительно к феномену творчества. В свою очередь специфические характеристики классической и неклассической рациональности наиболее полно раскрываются посредством выявления онтологического, гносеологического и аксиологического подходов к понятию рациональности.

Так, гносеологическая концепция рациональности исходит из осознания реальных возможностей, условий и границ когнитивных процессов субъекта. По мнению В.В. Знакова, «тип научной рациональности может быть рассмотрен как способ познания, или тип рациональных рассуждений, которые используются учёными» [2]. В этом смысле генерализирующими познавательными ориентациями, детерминирующими способ научного познания и определяющими стандарт его рациональности, являются такие, как стремление к обоснованности, объективности, точности, систематичности, согласованности знания и его независимости от субъективных предпочтений, что, в строгом смысле, соответствует критериям истинности научного знания и постулатам классического типа научной рациональности.

Действительно, в рамках классического типа научной рациональности, утверждающего механистическую картину мира и математический идеал науки, постулируется субъект-объектный характер когнитивных отношений, культивируется установка на гносеологическое изучение мира, подчёркивается важность не зависящих от временных рамок законов и утверждается тезис о достижимости истинного знания как знания, соответствующего своему объекту. Как замечает В.С. Стёпин, через всё классическое естествознание красной нитью проходит идея, согласно которой «объективность и предметность научного знания достигается только тогда, когда из описания и объяснения исключается всё, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности» [4, с. 142].

На гносеологическую сущность творческого акта в контексте рациональности классического типа указывают воззрения многих мыслителей соответствующего периода историко-философского становления. Неспроста баконовский лозунг «знание – сила» становится определяющим в понимании преобразовательно-творческой деятельности, а декартовский феномен самосознания представляет собой единство субъективной и объективной сторон когнитивно-созидательных отношений. Неслучайно Б. Спиноза обосновывает субстанцию в качестве творческой первопричины бытия, познания и развития всех вещей и понимает творческого субъекта в свете необходимости познания

им природной необходимости. В свою очередь Дж. Локк подчёркивает беспокойный характер познания, приводящего вещи в творческое движение.

Нельзя обойти стороной тот факт, что генерализирующим мотивом философской науки, с точки зрения И. Канта должен стать мотив познания самой познавательной деятельности субъекта. Посредством идеи априоризма мыслитель приходит к выводу о том, что в гносеологических процессах свободный от давления внешнего мира человек фактически заново творит предмет своего познания, и в этом смысле творчество становится неотъемлемым элементом сознания личности. При этом когнитивным фундаментом всякого творческого акта является человеческая способность к продуктивному воображению, синтезирующая основные функции рационального и чувственного уровней познания и служащая непреложным условием всякого опыта, восприятия и познания. Стоит также отметить, что фихтеанское Абсолютное Я, будучи единством воли, силы и знания, обладает способностью к безграничному творчеству за счёт своей противопоставленности не-Я, представляющего собой тот материал, который должен быть творчески переработан посредством познавательной активности человека. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, диалектический творческий процесс становления бытия, тождественный самопознанию Абсолютной Идеи и ориентированный на достижение абсолютного знания посредством снятия противоречий, предстаёт главным творческим принципом, ведь поиск противоречий сообразен поиску причины развития сущего.

Однако понимание творчества с точки зрения однобокого культивирования его гносеологической природы нивелирует свободную сущность творческого акта, ведь классическая философия в целом, по мнению М.А. Кузнецовой, «ориентирована только на рассудочные понятия, не способные выходить за пределы эмпирического опыта» и «программирует не только частичную, фрагментарную личность, но и разорванную картину мира» [3, с. 39]. Иными словами, классическая рациональность, абсолютизирующая возможность познания законов природы, истории и социума посредством разума, снабжаемого классической аристотелевской логикой, не могла не испытать гносеологический кризис, в том числе спровоцированный наличием трансцендентальных и панлогических систем. В этом отношении классический рационализм, сковывающий деятельность творческого субъекта жёсткими когнитивными и причинно-следственными связями лапласовского толка, становится неспособен адекватно отобразить сущность творческого процесса, основу которого составляют интуитивно-инстинктивные и иррационально-аффективные компоненты. По этой же причине и классическая философия, осмысливающая феномен творчества посредством сопоставления всеобщих категорий, не в состоянии на глубинном уровне объяснить специфику творческого акта в силу заниженного онтологического и аксиологического статуса человека как субъекта творчества.

Тем не менее, подобного рода ориентация на постулирование гносеологической детерминанты творческой деятельности в классический период развития философии и науки стала фундаментом для возникновения деятельностной концепции творчества в рамках психологических течений XX столетия, согласно которой творчество предстаёт как субъект-объектное деятельностное взаимодействие, включающее в свою структуру цель, средства осуществления этой цели и итоговый результат. По основанию различных типов деятельности сгенерировалось поливекторное градуирование различных видов творчества, основными из которых являются научное и художественное, дихотомия которых привела к необходимости сущностного различения творческой деятельности в сферах науки и искусства. Если в первом случае продуктом творчества является понятие, закон, изобретение или выявление новых взаимосвязей между существующими теориями, то во втором – творческим результатом становится художественный образ, порождающий новые смыслы.

Но если задача психологии в отношении творчества состоит в выявлении структурных особенностей и субъективных характеристик творческого процесса, то философское осмысление творческого акта направлено на вскрытие объективных закономерностей и глубинной онтологической, аксиологической и гносеологической природы феномена творчества. Ни в коем случае не нивелируя значимость вклада психологической науки, структурно дифференцировавшей творчество на художественный и научный типы, следует признать, что наиболее всесторонне к исследованию творчества можно подойти лишь под философским углом зрения. Неспроста такие фундаментальные критерии творческого процесса, как принципиальная новизна и социальная значимость представляются содержательно тождественными онто-гносеологическому и аксиологическому аспектам природы творчества соответственно.

В отличие от классической рациональности, неклассический её тип, характеризующейся физической картиной мира и гуманитарным идеалом науки, признаёт активную творческую роль субъекта познания, наличествующего в совокупности исторических и социокультурных детерминант, и не исключает влияния иррациональных факторов. С точки зрения Г.П. Щедровицкого, в контексте неклассической науки «изучаемое явление взаимодействует с исследователем, причём на своих собственных основаниях, в соответствии со своим внутренним смыслом» [5].

Как отмечает В.С. Стёпин, переход от классического к неклассическому естествознанию во многом детерминируется тем фактом, что теперь сознание ощущает «свою зависимость от социальных обстоятельств, которые... определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации», что подчёркивает аксиологическую интенциональность неклассического этапа развития науки; в онтологическом плане новая система когнитивных ориентаций нацелена на освоение сложных саморегулирующихся систем, которые, в отличие от классических систем статического толка, «характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и варибельных подсистем, массовым стохастическим взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей» [4, с. 144].

Таким образом, нивелируя субъект-объектную оппозицию, неклассическая наука и философия отходят от ригористического гностицизма в сторону онто-аксиологического плюрализма, ведь познающий субъект развёртывается уже не в качестве всеобщего, а трактуется как особенный, единичный и уникальный субъект, обладающий большей бытийно-ценностной нагруженностью. В этом отношении изменяется и специфика процесса познания, который теперь становится актом целостного освоения ценностных и духовных установок жизненного мира познаваемого субъекта или объекта, существование которого обосновывает истинность собственного бытия личности, творчески выходящего за границы своей субстанциальности.

Неслучайно С. Кьеркегор исключает субъекта из всеобщей системы рационализма, тем самым формируя фундамент экзистенциальной философии, а Ф. Ницше преодолевает классическую рациональность посредством концепции переоценки всех ценностей, нигилистически дезавуирующей собственные аксиологические основания. Неспроста и А. Бергсон в качестве основы бытия полагает постоянно совершающийся творческий процесс, многообразную длительность, осуществляющуюся в безличном, едином и универсальном времени, а М. Хайдеггер развёртывает свою «фундаментальную онтологию» через понятие «*dasein*» (присутствие, бытие-вот) как центра предельно изначального и подлинного бытия сущего.

В этом отношении неклассический тип научной рациональности наиболее ёмко раскрывается в контексте онтологического и аксиологического подходов к осмыслению понятия рациональности. Если онтологическая интерпретация рациональности, с точки зрения М.В. Елинского, «возникает как реализация претензии рационального мышле-

ния на охват всего внешнего и внутреннего опыта человека в его целостности» и полагает творческую движущую жизненную силу «взамен статичного рационального бытия классической метафизики» [1, с. 46, с. 50], то аксиологическая трактовка рациональности базируется на сопоставлении правил, ценностей, норм и целей субъекта, осуществляющего творческую деятельность. Так, М. Вебер выделил целевую и ценностную рациональность по основанию социокультурного содержания в различных типах социальных систем. Первая связана со свободным выбором целей и их оценкой применительно к мировоззренческим установкам человека, а вторая зиждется на сознательной вере в абсолютную нравственно-эстетическую ценность поведения. При этом целевая рациональность может пониматься как рефлексия над результатом деятельности, а ценностная – как рефлексия над самим деятельностным актом.

Говоря предельно общё, неклассическая рациональность предполагает такое понимание субъекта, при котором он становится способным осуществлять осознанно-рефлексивную деятельность по изменению действительности засчёт двойственного процесса: с одной стороны, актуализации внутренних ценностных установок самого субъекта, а с другой – реализации гносеологических возможностей засчёт свободы как возможности ценностного выбора между онтологией различных альтернативных ситуаций. Таким образом, сопоставление онтологического, гносеологического и аксиологического подходов к рациональности содержательно фиксирует её исторический тип и в этой связи позволяет установить, что если классический тип научной рациональности гносеологически реализуется посредством субъект-объектного способа деятельности, то неклассическая рациональность, всецело ориентированная на субъект в контексте его личностного и социокультурного бытия, осуществляется засчёт онто-аксиологических актов, порождающих новые культурные смыслы.

Список литературы

1. Елинский, М.В. Дисциплинарная онтология и неклассическая рациональность / М.В. Елинский // Вестник ЛГУ. – 2008. – № 4 (17). – С. 46–54.
2. Знаков, В.В. А.В. Брушлинский: верность традициям и эволюция научных взглядов // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления / Под. ред. В.В. Знакова, Т.В. Корниловой. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – С. 17–24.
3. Кузнецова, М.А. Творчество как атрибут человеческого бытия: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.13 / Кузнецова Майя Анатольевна. – Волгоград, 2012. – 43 с.
4. Стёпин, В.С. Философия науки и техники: учеб. пособие / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Гардарики, 1999. – 400 с.
5. Щедровицкий, Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии. – 1991. – № 1. – С. 50–59.

